

НАКОПИТЕЛИ

продолжение проекта » ЭНЕРГИЯ ПОБЕД

ФОСФОРНЫЕ ОРЛЫ
автор: Александр Олексюк

 ЕЛАМЕД

Александр Олексюк

**Фосфорные орлы. Сборник
рассказов про пожилых людей**

«Автор»

2023

Олексюк А. С.

Фосфорные орлы. Сборник рассказов про пожилых людей /
А. С. Олексюк — «Автор», 2023

Книга журналиста и писателя из Челябинска Александра Олексюка раскрывает секреты активной и созидательной жизни в любом возрасте. Истории, основанные на реальных событиях, мастерски усилены художественными образами. Оглянитесь, эти люди живут рядом с нами, и, возможно, героем следующей истории станете именно вы. Сборник рассказов будет интересен и полезен самому широкому кругу читателей, но особенное удовольствие от прочтения получают именно пенсионеры.

© Олексюк А. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Хвостик	7
Зинина кукла	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Олексюк

Фосфорные орлы. Сборник рассказов про пожилых людей

Введение

Кто такие «фосфорные орлы»?

Автор книги рассказов со столь необычным названием, писатель и журналист Александр Олексюк, дает целых два определения этой аллегории.

В одноименном рассказе возникает образ статуэтки, так часто встречающейся в сервантах советских людей – фигурки птицы, покрытой фосфорным составом. Днем она была бледно-зеленоватой, обыденной, зато в темноте излучала яркий свет. Побывав в Музее СССР, основанном в поселке Тербуны Липецкой области энтузиастом Александром Колесником, гости учреждения культуры увидели эту птицу – и сравнили ее с основателем музея.

– Старичок и сам как тот орел фосфорный, – задумчиво проговорил более романтичный, склонный к сентиментальным сравнениям Игорь Иваныч, – светится в темноте. Свет вбирает в себя и отдает.

А в рассказе «Хвостик» говорится, что его главный герой, бывший моряк Анатолий Хвостик, «всегда излучал такое поразительное жизнелюбие и энергию, что казалось, от него можно запитывать автомобильные аккумуляторы».

Эти броские и зримые образы становятся лейтмотивом книги Олексюка. В ней восемь рассказов: «Хвостик», «Зинина кукла», «Значок “Федерация плавания СССР”», «Сливовица на мышьяке», «Паромная переправа», «Фосфорные орлы», «Прощеное воскресение», «Лыжегоночный комбинезон Николая Круглова». Каждый рассказ посвящен истории какого-либо преодоления, демонстрации человеческих сил и возможностей. Поэтому вся книга в целом становится сводом положительных примеров, как человек может и должен прожить свою единственную бесценную жизнь, чтобы, прибегая к словам классика, «потом не было мучительно больно». Способы реализации прописаны самые разные – от предпринятого «на закате лет» мотоциклетного путешествия на Байкал до многолетних занятий спортом или трудновыполнимого пари во благо земляков. Но все истории роднит одно: люди совершили некий прорыв, не склонились перед судьбой и не отступили перед обстоятельствами. Книгу с такими главными героями читать одно удовольствие.

Особую ценность позитивным рассказам Олексюка придает то, что все они основаны на реальных событиях, а не являются плодами писательского воображения. Их главные герои живут, что называется, рядом с нами: например, знаменитые парашютисты Зинаида Курицына и Владимир Колесник – в Рязанской области, бывший директор школы олимпийского резерва, пловец и спасатель Станислав Вязовский – под Самарой, путешественник-мотоциклист Анатолий Хвостик – на Кубани...

Как критик я двойственно отношусь к документальной прозе. Но для некоторых тем она просто незаменима. Реалистичная подоплека всех историй рождает уверенное понимание того, что каждый способен поступить так же. Не обязательно прыгать с парашютом или обследовать арктическое побережье – но обязательно найти в своей повседневной жизни цель и занятие, которое придаст ей смысл и одухотворенность и послужит людям. К тому же Олексюк нашел оптимальный, на мой взгляд, слог для своих сюжетов. Он беллетризует биографии своих героев и находит удачные приемы для литературного «оживления» текстов.

Это позволяет читателю почувствовать себя очевидцем и участником обрисованных событий, провести время интересно и с пользой.

Сафронова Елена,

прозаик, литературный критик-публицист, член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, Союза журналистов России, редактор рубрики «Проза, критика, публицистика» литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо "А"»

Страна надежно укрыта незримым куполом, чудным покровом, непроницаемым сводом, тверже которого нет ничего на свете, ибо возводят его незыблемые опоры – добрая Память, гордое Терпение, сердечная Радость, могучая Сила, священная Власть, благородная Ярость и великий Замысел.

М. Ю. Елизаров. «Библиотекарь»

Хвостик

– Стой! Стой! Подожди! Куда ж ты поехал? – по разбитой сельской дороге, утопая в облаке пыли, бежала женщина в ситцевом халате. В одной руке она держала пару стоптанных кроссовок, а другой размахивала вслед мужу, уезжающему на мотоцикле.

Рев мотора 50-летней «Явы» цементировал крики, к тому же на голове Анатолия Хвостика блестел старый мотоциклетный шлем, похожий на часть детского резинового мячика, разрезанного надвое. Тем не менее мотоциклист слышал зов, но не ушами, а каким-то неведомым шестым чувством, какое иногда возникает между супругами, отметившими рубиновую свадьбу – сорок лет брака.

«Ява» остановилась, ее хозяин не стал глушить двигатель, а, придерживая мотоцикл ногой, развернул туловище и строго спросил:

– Ну, что там еще?

– Обувь возьми. Посмотри, в чем ты поехал! – перекрикивая звук мотора, запрочитала женщина и протянула мужу кроссовки.

– Ах ты ж... Точно! – Анатолий поправил шлем и взял пару за язычки. Он надевал ее редко, поэтому смотрел на башмаки с некоторым подозрением.

На его ногах чернели сланцы, надетые поверх носков. В таком виде, конечно, можно преспокойно ездить по станице, в сельпо, на речку, и даже заезжать в райцентр – никто и слова не скажет – но для дальней дороги «домашняя» обувь не годилась. Мало ли дождь или, чего доброго, снег.

– Спасибо, Ларис, – мужчина чмокнул в щеку жену и стал возиться с кроссовками.

Женщина беспокойно смотрела, как супруг сосредоточенно завязывает шнурки, и тербила поясок халата. Мысль о том, что она вновь отпускает его куда-то к черту на кулички, в лихое авантюрное путешествие на старой «Яве», неприятно холодила сердце.

– На, отнеси в дом, – сказал мотоциклист, протягивая сланцы жене.

– Кинь в рюкзак. Ты ж на озеро едешь, может, там пляж есть. На пляже-то в кроссовках не походишь, а тут сланцы, – усмехнулась Лариса, подавив тревогу, клокочущую внутри.

– А ведь действительно пригодятся, – сказал Анатолий и спрятал сланцы в утробе желтого туристического рюкзака. – Давай теперь, скажи.

Мотоциклист весело смотрел на жену.

– Да ну тебя, – отмахнулась она с полуулыбкой.

– Ну мать, скажи, – уговаривал путешественник.

– Ладно, бог с тобой, – засмеялась женщина. – Семь футов под килем.

– И ты на мель не нарвись! – по старой матросской традиции ответил мотоциклист, подмигнул и поддал газу.

На корме «Явы» развивался тщательно отглаженный и бережно выстиранный флаг ВМФ СССР.

– Ты звони там! Каждый день! Как договаривались! – кричала Лариса, провожая глазами супруга.

«Иконку я ему передала или нет?» – уже тише, сама у себя спросила женщина, потом припомнила: «Передала».

«Ява» – не по возрасту резво – скакала по колдобинам грунтовок и вскоре скрылась за поворотом.

Житель станицы Старотитаровской Анатолий Хвостик крепко держал руль. Его большие и заскорузлые руки скручивали морские узлы во время службы во флоте, перебрали несметное количество моторов и карбюраторов, сажали яблони и кусты жимолости, качивали детей, обнимали любимую жену Лару.

Ему уже под семьдесят, он до хруста наполнен днями, большую часть которых тяжело и натужно работал. Первую профессию – водоноса – освоил в 10 лет.

Однако несмотря на суровый спартанский быт и труд, дядя Толик, как называли его жители станицы, всегда излучал такое поразительное жизнелюбие и энергию, что казалось, от него можно запитывать автомобильные аккумуляторы.

«Я хоть и Хвостик, а в хвосте жизни плестись не привык», – часто говорил он.

Не плестись в хвосте жизни ему помогала железная боевая подруга – «Ява 350» чехословацкой сборки. Он прикипел к мотоциклу, как гайка прикипает к болту и даже слышать не хотел о покупке чего-то другого.

«Ты сколько денег вбухал в эту дуру. – говорили соседи и цокали языками. – Сотни тысяч! Мог себе взять “Ямаху”».

«В гробу я видел вашу “Ямаху”», – беззлобно отвечал дядя Толик.

Как-то раз «Ява» уже возила Хвостика на «дальняк»: из Краснодарского края он уехал в Кронштадт – отметить 50 лет со дня призыва на флот, где служил три года. Это время Анатолий без иронии называет подарком судьбы. Над их с супругой кроватью, словно картина, висит идеально чистая форма матроса ВМФ СССР. Отправляясь ко сну, уже седовласый моряк всегда смотрит на нее и будто бы наслаждается запахом водорослей и соленой морской воды.

В этот раз он снова отправился к воде, но уже не к соленой – к пресной. На чудесное озеро Байкал, помочить ноги в котором мечтал с детства. Подлатал «Яву», взял рюкзак, армейскую плащ-палатку, спальный мешок и атлас автомобильных дорог. Собрался в путь.

«Пенсия – это не повод сидеть на одном месте и покрываться паутиной, я еще Байкал не смотрел», – как-то сказал он за семейным ужином.

Дети, привыкшие к неугомонному, страстному характеру родителя, не пытались его отговорить – знали, что бесполезно. Разве что предложили купить смартфон в дорогу, но Анатолий ему не доверял.

«Там будет навигатор. С картой сверяться. Бать, тысячи километров! Это ж не шутки. Давай тебе смартфон купим», – говорила дочка.

«Ну и что мне твой смартфон? Карта надежнее, она не сломается, не разрядится», – отвечал Анатолий.

«Так возьми и карту, и смартфон», – настаивала дочка.

«Да ну его. У меня кнопочный, он зарядку по две недели держит», – отмахивался Хвостик.

«Будешь про путешествие свое рассказывать всему миру во «ВКонтакте», разве плохо?» – внезапно нащупала подход дочка.

Дядя Толик задумался. В принципе он спокойно относился ко всему новому, имел технический склад ума и много лет провел в компании с гаечным ключом и паяльником, но опасался, что смартфон станет мучительно отвлекать на себя внимание. А он ехал смотреть Россию в ее пыльной дорожной реальности, а не через камеру телефона.

«Это, получается, в интернете, что ли, рассказывать?», – спросил Анатолий.

«Ну да», – ответила дочь.

Хвостик сдался, идея показалась не такой уж и плохой, ведь разделенная радость – двойная радость. Это нехитрое правило он усвоил с юности – с тех пор как женился и стал всем делиться с Ларисой.

«Ладно, купим. Расскажешь, как пользоваться», – махнул рукой Анатолий.

Хвостик выехал в путешествие в разгаре лета с картой автомобильных дорог и смартфоном. Ночевать планировал в придорожных гостиницах, но допускал, что иной раз придется прикорнуть и под березкой. В районе Саратова, проехав терпкие, прожаренные солнцем степи, дядя Толик решил переночевать в перелеске.

Стояла ясная безветренная погода. Солнце клонилося к закату, ночь обещала быть по-июльски теплой и не дождливой.

Хвостик присмотрел небольшую рощу, неподалеку от крохотной, едва живой деревушки.

Съехал с трассы на грунтовку, припарковал «Яву» в зарослях малинника, а сам начал готовить место для ночлега. Первым делом достал плащ-палатку – гениальное изобретение! На ней тащат раненых, в ней легко укрыться от непогоды, из нее можно сделать даже полноценный плот, если набить полотнище соломой и крепко связать. Так поступали красноармейцы в войну при форсировании рек.

С помощью пары крепких веток и веревки дядя Толик – тертый калач – превратил плащ-палатку в жилище. Развел костер, в прокопченном армейском котелке заварил пару пакетиков «Принцессы Нури» и, прихлебывая горячий чай, медленно, одним пальцем – с непривычки – стал писать очередной пост в социальные сети и выкладывать фотографии во «ВКонтакте». На удивление в этой глуши ловил мобильный интернет.

Солнце село. Двурогая луна в ночном небе вызывала какие-то теплые далекие воспоминания. Где-то он ее уже видел. В книжке! «Вечера на хуторе близ Диканьки» – вспомнил дядя Толик и долго лежал в палатке, непроизвольно воскрешая в памяти гоголевские мотивы. На ракетно-дизельном катере «Рыбачий» Балтийского флота, где служил моряк Хвостик, имелась хорошая библиотека, и он за три года перечитал все, что не успел объять в школе.

Вскоре Гоголь, усталость, терпкие запахи июльского леса стали играть в игры с сознанием Анатолия. Чудилось, что кто-то бродит вокруг рощицы и будто бы воеет. «Волки, что ли?», – подумал дядя Толик и решил не спать, поддерживая костер – они огня боятся, не подойдут. «Или, может быть, черти?» – вдруг мелькнуло на периферии ума. «Да какие черти? Дурень!» – сам себя выругал Хвостик, но на всякий случай проверил, на месте ли иконка Сергия Радонежского – жена всегда передавала образ святого, когда ее благоверный решал куда-нибудь умчаться на своей верной «Яве».

Иконка лежала где положено – в бардачке мотоцикла. Стало спокойнее, но вой или даже мычание еще долго не прекращались. Под утро усталый путник все-таки задремал. Когда он проснулся, костер уже потух, ярко светило солнце.

«Ну слава богу, не подошел серый, испугался», – пробормотал про себя Анатолий и решил сходить в деревню, сообразить нехитрый завтрак. Обычно в пути он питался хаотически, как придется: консервами, «дошираками», пирожками, или в придорожных кафешках. «Там не то что в городе – не отравят. Дальнобойщика попробуй отрави, в следующий раз поедет по этой дороге, и за добавкой явится... с монтировкой», – резонно считал Хвостик и с удовольствием заказывал борщи и котлеты.

На завалинке ветхого покосившегося дома сидел старичок с живыми маслянистыми глазами и колючей седой щетиной. На его плечах висел засаленный пиджак, надетый на футболку с надписью FIFA WorldCup 98. Дедушка задумчиво смотрел на соседнюю улицу и курил.

– Здравствуйтесь, – поздоровался Анатолий.

– Здорова, коль не шутишь, – с любопытством оглядывая незнакомца, ответил дедок.

– Я здесь проездом, отец, где у вас тут магазин?

– А нет магазина, был да сплыл.

– Это как так, сплыл? – удивился Хвостик.

– Очень просто. Закрылся. Ольга – хозяйка – в райцентр переехала, и все. Раз в неделю армяне приезжают на «газельке», привозят продукты, продают. Вчера вот были.

– О как, – дядя Толик задумался. – А картошки продашь, отец? Запеку.

– Скажешь тоже – «продашь». Я так просто дам. Обижаешь, – усмехнулся старичок и еще раз оценивающе осмотрел поджарую фигуру Хвостика. – Кстати, какой я тебе отец? Мы, чай, ровесники. Тебе сколько лет?

– От 1954-го.

– А я от 1952-го. Ровесники. А ты говоришь – отец.

Старичок улыбнулся и протянул руку.

– Петр.

– Анатолий, – Хвостик пожал сухую, колючую, как наждачка, ладонь.

Его новый товарищ действительно выглядел старше своих лет и казался мумифицированным – высох, как мотылек, угодивший в ловушку между оконными стеклами.

– Глухие у вас тут места, – сказал Толик, принимая пакет с картошкой.

Петр отсыпал щедро.

– И не говори, глухие, – кивнул дедок.

– Волки водятся, – сказал Толик.

– Ну уж, загнул – волки. 70 лет здесь живу и никаких волков никогда не видел. Да и не мог видеть. Тут же завод фосфорных удобрений за пригорком, я там всю жизнь оттарабанил, волков и в помине быть не может. Правда, и людей тоже. Рабочие из города едут, в деревне не селятся, вот она и вымерла.

– Я вчера ночевал во-о-н в той роще, – Хвостик показал рукой в сторону своего бивака. – И всю ночь вокруг нее ходил волк, выл.

– Вон той рощи? – уточнил Петр.

– Ну да.

Старичок внезапно расхохотался и даже выронил сигарету.

– Ох, насмешил! Волк! Это Володька – сосед. Вчера приезжали армяне, он купил у них бутылку, наклюкался. А у него корова. Последняя осталась в селе. Заблудилась. Вот он ее и искал, а чтобы сманить – стал мычать или выть, уж не знаю, насколько хорошо у него получилось изобразить корову, но я даже отсюда его слышал.

Хвостик тоже расхохотался.

– И что, как? Нашел корову?

– Не-е-е, пьяный заснул, тут у меня на крыльце. Корова сама вернулась. Она поумнее будет человека, тем более Володи.

– Супруга ваша поди его с крыльца согнала?

– Да не. Какая супруга. Я один живу, бирюком, можно сказать. С женой еще в 90-е развелись, дети в Саратове. А я на пенсии, доживаю. Так ведь ее называют – пенсию – «время дожития», – грустно сказал Петр.

Возникла пауза. Ровесники сидели на завалинке, попеременно вздыхая.

– Слушай, я у этого самого Володьки молоко покупаю. Будешь молоко с хлебом? Купил вчера аж четыре буханки, мне все не съесть. Зачерствеет. Издалека, стало быть, едешь?

– Издалека. С Кубани. На мотоцикле.

– О! Ну даешь. А куда? – удивился Петр.

– На Байкал хочу посмотреть, – сказал Хвостик.

– Это зачем? Чего на него смотреть, озеро и озеро, – пожал плечами дедок, а потом встрепенулся и добавил

– Ты это, подожди меня здесь. Я сейчас, мигом, молоко принесу. Поболтаем. Мне же и разговаривать тут, по сути, не с кем, с телевизором только – три канала ловит – а с Володькой-дураком говорить не о чем.

Через минуту явился Петр с буханкой хлеба, двумя эмалированными чашками и бидоном молока. На завалинке расстелили газету «Саратовские ведомости», хлеб Петр поломал руками.

– Хлеб нож не любит, его руками надо ломать, – деловито заметил Петр и разлил молоко.

Оно было холодное и вкусное, как в детстве.

– А чего ты в город к детям не уедешь? – спросил Хвостик.

– Нужен я им больно. Они, конечно, никогда не признаются, но я стану обузой. Не хочу. Здесь доживу, сколько той жизни осталось, – философски заметил дедок.

– Это не повод тратить остаток впустую, – сказал Хвостик и хлебнул молока. – Ты же еще бодрый и не пьешь, похоже. Чего сидеть, усыхать?

– Не пью, – согласился Петр. – На заводе все пили, а мне с молодости это противно. И жена так говорила, ты, мол, Петя, какой-то пустопорожний, как чемодан без ручки, лучше бы ты пил. А я и не пил, все ждал чего-то всю жизнь, ждал и ждал.

– А чего ждал?

– А вот и сам понять не могу. Жизни ждал. Помню, в школе, когда учился, ждал, что окончу восьмилетку, пойду в ПТУ в Саратове, и вот тогда-то начнется настоящая жизнь! Окончил, пошел в ПТУ. Три года учился на машиниста котлов, думаю, все это суета, сон, ерунда, ремесло освою и в армию пойду. Там уж жизни хлебну, мир посмотрю, – Петр сделал большой долгий глоток. – Пошел в армию, на Тихоокеанский флот. Специально попросился на флот, чтоб подольше служить, три года, а не два.

– Флот! Надо же! И я на флоте служил! – стукнул себя по коленкам Хвостик.

– На каком?

– На Балтийском.

– О-о-о. Мы с тобой, получается, матросы.

– А то!

– Три года ходили. Однажды даже в Кейптауне были. Представляешь? Знаешь, где это?

– Ну, конечно, в Африке, – пережевывая хрустящую корку, ответил Хвостик. – Я и сам в кругосветку ходил. Дважды был в дальних секретных походах.

Дядя Толик просиял, вспоминая это.

– И я был, и в кругосветке, и в походах, но как-то опять все чего-то ждал. Надоели мне эти чайки, крабы, вода куда ни глянь. Заскучал. Думаю, пойду на дембель. Вернусь в Балаково – это город у нас тут рядом – и на завод устроюсь. Буду жить, может, квартиру дадут, женюсь. Так и вышло: женился, жена Надежда, хорошая, но глупая баба, – Петр вспомнил супругу и ухмыльнулся. – Квартиру, кстати, тоже дали в Балаково. Дети пошли, туда-сюда, завертелось, но знаешь, все словно мимо меня вертелось. Иной раз сижу и целый вечер в окно смотрю. Жена подходит, говорит, ты чего там высматриваешь, не видно ни зги. А я плюну и спать пойду.

Петр говорил, и голос его был глухой, задумчивый и печальный, словно раздавался из погребка.

– Потом жена нашла другого. Тот, кстати, пил и даже, как мне рассказывали, входную дверь пропил. Дети к тому времени уже выросли, разъехались кто куда. А я как на пенсию вышел, в родительский дом переехал, сюда вот, мама у меня здесь жила. В 89 лет померла. Квартиру детям оставил, дочке. Парень, сын, в меня пошел – тоже странный какой-то, отказался от своей доли в квартире. Сестре, сказал, батя, оставь. Так я всю жизнь и провел в зале ожидания. Вот и сейчас жду, – резюмировал Петр.

– Это чего же ты сейчас ждешь? – спросил Хвостик.

– Как чего? Известно чего – смерти, – твердо и даже решительно сказал старичок.

– Слушай, у вас тут телефон ловит и интернет даже есть, – перевел разговор на другую тему дядя Толик.

– Это из-за завода нашего, удобрений. И на том спасибо, – ответил Петр.

– Есть у тебя смартфон?

– Есть, дочка подарила, на 70 лет.

– Добавь меня во «ВКонтакте». Я в интернет все выкладываю, путешествия свои. Коли никуда из своего зала ожидания не выходишь, может, помотришь, как я выхожу, а там и сам встанешь, кости разомнешь. Фамилия моя Хвостик. Легко найти.

– Найду уж.

– Ну, бывай, – сказал дядя Толик, протягивая руку старичку.

– Семь футов под килем! – уже веселее сказал Петр.

– И ты на мель не нарвись, – ответил Хвостик.

Мужчины рассмеялись. Анатолий подхватил пакет с картошкой и отправился в сторону роши, где ждали палатка, костровище и остывшая за ночь «Ява».

Общий путь до Байкала занял более 20 дней. Иногда дядя Толик сбивался с пути, когда навигатор в смартфоне – его Хвостик называл «тетенька» из-за голоса – говорил одно, а карта автомобильных дорог твердила другое. Несколько раз «Ява», уставшая, как ломовая лошадь, отказывалась ехать дальше, и дядя Толик ее чинил. Благо знал каждую косточку своей «лошадки», а люди, которые попадались ему на пути, всегда были готовы помочь.

Хвостик миновал Иркутск, Ангарск и наконец доехал до Байкала. Огромная, до самого горизонта, гладь воды, напомнила ему о службе на Балтийском флоте, бескозырку, потрясающие морские закаты. Сложно было поверить, что это гигантское озеро наполнено пресной водой. Хвостик прислонил к дереву мотоцикл, надел сланцы, как завещала Лара, взял кружку и отправился к берегу озера-великана.

Вода была холодной и слегка отдавала железом. Он выпил целую кружку и долго смотрел, как охотятся чайки. В ту ночь, под сводами плащ-палатки ему приснилось, будто он встал на кровать в их станичном доме, снял со стены матросскую форму и впервые за долгие годы надел ее. На удивление она оказалась в самый раз. В этой форме он куда-то шел по дорожке, ему вслед смотрела Лариса, дети и почему-то все плакали.

Хвостик решил не задерживаться и на следующий день, заварив на байкальской воде крепкого чаю, отправился обратно. Перед этим отправил в социальные сети дюжину фотографий потрясающих байкальских видов. Какая-то колючая, непонятная тревога гнала его обратно, в станицу, к Ларе, дочке с сыном и внукам.

Между Тольятти и Саратовом, фура, груженная астраханскими арбузами, не пропустила «Яву» Хвостика, выезжая со второстепенной дороги, и толстым мохнатым шмелем стукнула мотоцикл в бок. Хвостик удивленно хмыкнул и не успел даже выругаться, как провалился в тяжелую тихую черноту...

– Вы знаете, что родились в рубашке?

Стройный широкоплечий доктор склонился над кроватью отделения реанимации и с улыбкой смотрел на пенсионера, вся правая часть лица которого была одной сплошной ссадиной.

– Надо же, живой, – удивился Хвостик, оглядывая больничную палату.

– И это странно, – сказал доктор. – И куда вас черти понесли на этом драндулете?

– На Байкал, – бесхитростно ответил Хвостик.

– Да мы в курсе, что на Байкал, уже позвонили вашей дочке. Хорошо хоть телефон не разбился, – врач достал из подмышки Хвостика градусник.

Одна рука у Анатолия была в гипсе.

– 37.4. Нормально, завтра вас переведут в общую палату. Его благодарите, – доктор указал на небольшую иконку Сергия Радонежского, прислоненную к стене на прикроватной тумбочке. – Вылетела из бардачка, ребята на «скорой» нам передали.

Потянулись длинные больничные дни. Хвостик каждый день общался с родными, перечитывал Гоголя и писал посты в социальных сетях.

Однажды дверь распахнулась и в палату бочком зашел какой-то мужчина в пиджаке и кремовых брюках. В руках он держал пакет.

– Привет, моряк! Не потонул, слава богу, – у порога стоял Петр. Свежий, бодрый, словно помолодевший.

– Ого, а ты как тут? – удивился Хвостик.

– Ну я же нашел тебя во «ВКонтакте», разве не видел, что я тебя лайкал? – Петр присел на край кровати, пакет поставил в ноги. – Ну, смотрю, ты в больнице. Ехать недалеко, решил навестить, молока вон тебе привез от Володьки. Медсестра разрешила. Можно тебе молока?

– Да не знаю. Можно наверно, спасибо, – ответил Хвостик.

Он был рад, что этот случайный, практически незнакомый человек, как-то промежду прочим, случайно, стал его другом.

Петр разлил молоко. Хвостик привстал, свободной от гипса рукой взял кружку, сделал глоток.

– Я читал твои заметки. Знал, что ты в больнице. Думаю, подожду еще чуток, может, и поеду, навещу. А потом про себя думаю, а чего ждать-то, вдруг его к тому времени уже выпишут. Взял, молока в бидон налил, на автобус сел и поехал. Сколько можно ждать-то, – сказал Петр.

– Правильно, нечего ждать.

– Вот и я про то же. От тебя, кстати, к дочке поеду, давно ее не видел. А потом, может быть, и к жене. Хахаль-то ее помер еще лет 10 назад. Дети рассказывали. Говорили, она одна живет и меня ждет-поджидает, что вернусь, а сама звонить боится.

– Дождется значит, – сказал Хвостик.

– Дождется, – ответил Петр и просветлел.

В открытое окно палаты залетел мотылек, несколько секунд кружил под потолком и сел на плафон. Август подходил к концу.

Зинина кукла

В ту ночь Зинаида долго не могла уснуть: пьяный, густой запах шафрана почему-то не успокаивал, а будоражил ум, гладил его против шерсти. В голову лезла всякая чепуха: обрывки фраз, картины уходящего за горизонт леса, парашютные стропы, стянутые в тугие белобрысые косы, маленькие, как муравьи, люди и домики.

Сознание опытной парашютистки ворочалось и зудело. Так часто бывало перед первой сотней прыжков – оно и понятно, страшно. Однако над ее головой полосатый купол раскрывался уже 3,5 тысячи раз. Если сложить минуты, которые в свободном падении провела «королева воздуха», чемпионка СССР по парашютному спорту, мировая рекордсменка Зинаида Курицына, то набегит несколько суток. Как путь на поезде из Рязани в узбекскую Фергану, куда Зина приехала на сборы.

Было жарко: южная горячая ночь просачивалась в номер через открытую форточку и распыляла липкое чувство тревоги.

«Закрою, пожалуй. Все равно и так и так духота. Может, хоть запах уйдет», – подумала Зина, скинула тонкую простыню и потянулась к окну.

Это помогло. Вскоре 30-летняя чемпионка провалилась в нервный, поверхностный сон. Приснилось, будто она, как обычно перед прыжком, проверяет парашют. Он лежал на столе, его освещали лучи заходящего солнца. Парашют почему-то был очень маленьким, словно игрушечным. Во сне Зина понимала, что в самом деле готовит его для игрушки, своей любимицы Марины – огромной куклы размером с девочку-пятилетку. Отец Зины привез ее под новый 1953-й год из Москвы. «В «Детском мире» купил! Том самом», – весело сказал папа, протискиваясь в прихожую.

Зина на всю жизнь запомнила этот момент – улыбочивый отец, пахнувшей снегом, «Казбеком» и мокрым тулупом, большая коробка с Мариной и ощущение такой сумасшедшей, надрывной радости, что пришлось с силой сжимать кулачки.

В тот день Марина стала лучшей подружкой Зины. Она была как живая и молчаливо выслушивала девичьи секреты чуть ли не до тринадцатилетия своей хозяйки. Потом игрушка поистерпалась, потемнела лицом и, наконец, отправилась сначала в темный зев антресолей, а потом куда-то исчезла, не выдержав переездов.

«Ушла Маринка», – однажды грустно сказала Зина, перебирая старый хлам, собранный по сусекам и кладовым.

А вот во сне Марина сидела рядом, на детском стульчике, расписанном под хохлому. Нарядная, свежая, будто только с магазинной полки, в невесомом голубеньком платье, пластиковых туфельках, гольфах. На голове белел аккуратно повязанный бант.

«Как же она прыгать-то будет? В таком-то платье. Нужен костюм, а где его взять?», – подумала во сне Зина, но решила заняться этим позднее, когда убедится, что парашют в порядке, а значит Мариночка в безопасности.

Она внимательно, наметанным глазом осмотрела каждую деталь парашюта, каждую потрогала, подергала, затянула. Все крошечное, но очень искусно, ювелирно сделанное. Маленький узел контровки петли звена к кольцу на ранце, маленький фал гибкой шпильки, маленькая лента-завязка...

«Какой ладный парашютик, как настоящий», – улыбнулась Зина, подхватила его за лямки, обернулась, чтобы передать Марине, но вдруг обнаружила себя в самолете.

Она летела над землей, в своем малиновом комбинезоне, локон волос выбился из-под шлема и неприятно лез в глаза. Дверь АН-24 раскрыта, под крылом золотилось пшеничное поле.

«Зина, держи!», – перекрикивая ветер, прокричал тренер и протянул девушке тот самый крошечный парашютик.

«Это же для куклы!» – успела крикнуть девушка, балансируя у края выхода.

«501, 502, 503, 504, кольцо!»

Марина полетела вниз, зажимая в руках парашютик.

«Что с ним делать?! Он же маленький!» – с ужасом подумала спортсменка и стала вертеть его в разные стороны. Страх нарастал и сковывал мысли. Зина дернула колечко – почему-то обручальное. Раз! Два! Три! Не поддается. Дернула еще сильнее, еще, еще, и в итоге оно оказалось между большим и указательным пальцами.

«Должен же быть запасной! Где он?», – закричала Зина, глотая воздух. Девушка смотрела в разные стороны, искала выход, надеялась на чудо, ждала, что вот-вот из этого кукольного парашютика выпорхнет белый купол, и она почувствует знакомый рывок. Но парашютик «молчал».

А тем временем земля становилась все ближе и ближе, однако внизу раскинулось уже не золотое поле, а родной двор в подмосковном Егорьевске, где родилась и выросла Зина. Она видела его с высоты птичьего полета.

«Вот бы у меня были крылья», – печально подумала девушка и, кажется, смирилась со своей участью. Зина постаралась расслабиться, как учили в аэроклубе, выпустила из рук бессмысленный парашютик, но через мгновение пришла в себя от жуткого грохота. На все лады грянул гимн Советского Союза!

Внизу оркестр Военно-воздушных сил РККА выдувал медь. Тромбоны, валторны и трубы блестели на солнце. В этот же момент девушка заметила, что летит аккуратно в жирное сиреневое пятно. Она чувствовала свою траекторию всеми мышцами тела, ведь сотни раз «снайперски» приземлялась строго в мишень, в самое яблочко, ставя рекорд за рекордом.

Пятном оказался куст сирени, росший под окнами их дома. В детстве Зина пряталась в его густых ветвях, вдыхала свежий, волшебный запах, пила Марину чаем из игрушечной кружки, угощала кусочкам песочного пирога. Куст сирени был добрым соседом, своим парнем, другом: у него собирались на лавочке и пели песни под гармонь, играли в домино, слушали позывные «радио-Маяк»: «...в Иркутске – двадцать часов, в Чите – двадцать один, во Владивостоке и Хабаровске – двадцать два, в Южно-Сахалинске – двадцать три, в Петропавловске-Камчатском – полночь».

За долю секунды до падения Зинаиды почувствовала, что словно замедлилась. Щеки прохладно щекотали цветы сирени, она опустилась в них, как в перину, и проснулась.

– Ну ты соня! Вставай скорее, завтрак пропустим, – весело сказала стройная, длинноногая Аня Кулагина, – Или ты на диете? Тут все такое жирное, кошмар! И шафран этот еще, надоел до чертиков. Вонючка! Фу!

Аня сморщила лицо и бросила на кровать Зины вафельное полотенце.

– Я тебя на улице подожду! Иди умывайся.

Зина пробормотала «ага», спустила ноги с кровати и несколько секунд внимательно смотрела на деревянный пол, выкрашенный темно-коричневой масляной краской. Сон прочно схватил спортсменку за голову и не хотел отпускать. Казалось, что в комнате пахнет сиренью, а не шафраном.

Весь день до самого вечера Зину не покидало колючее чувство тревоги. На ночь был запланирован прыжок. У нее пропал аппетит, опустилось лицо.

– Зинка, да что с тобой? Бледная как поганка. – забеспокоилась Аня.

После обеда они прогуливалась по раскаленным, обветренным улицам восточного города.

– Как первый раз, в самом деле. Какой по счету у тебя прыжок?

– 3500-й, – спокойно, без тени хвастливости ответила Зина. – Я же с 16 лет прыгаю. А могла бы и в 15 прыгнуть, когда впервые на аэрокружок пришла. Но там набор уже закончился, сказали через год явиться.

– Ну вот, и чего ты боишься? – Аня задумчиво пнула носком камушек, он красиво, по параболе, полетел и ударился в бежевую стену мазанки.

– Да я не боюсь. Просто сон видела. Станный.

– Как парашют не раскрылся? – Аня с усмешкой посмотрела на подругу.

– Ну да. Практически. Маленький был, для куклы. А я в куст сирени спланировала, который у нас под окнами рос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.